

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 931-940
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.931

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Turkestan Teachers' Seminary (1879–1918): Peculiarities of Linguistic Training and Kazakh Students

Gulmira S. Sultangalieva^a, Zhibek S. Begimbayeva^b, Zhanna Dyusembek^{a,*}, Miras Abdrakhim^c

^a Al-Farabi Kazakh National University (Farabi University), Republic of Kazakhstan

^b K. Zhubanov Aktobe Regional University, Republic of Kazakhstan

^c Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan

Abstract

Within the framework of the contemporary historiographical turn toward the study of imperial modernity and the production of knowledge, increasing attention has been paid to educational institutions as spaces for the formation of hybrid identities and cultural mediation. The Turkestan Teachers' Seminary is of particular interest as a key element of the knowledge infrastructure of the Russian Empire in the region.

The aim of this article is to examine the specific features of linguistic training at the Turkestan Teachers' Seminary and to analyze the role of Kazakh graduates in processes of knowledge transfer in the late XIX and early XX centuries. Drawing on archival materials from the Central State Archives of the Republic of Uzbekistan and the Republic of Kazakhstan, the study explores the content of language education (Kazakh, Sart, and Persian) as an instrument of administrative and cultural integration of Kazakh students.

The methodological framework combines approaches from the history of knowledge, postcolonial theory, and microhistory, allowing the seminary to be interpreted not only as a tool of imperial policy but also as a space of interaction, adaptation, and reinterpretation of knowledge. Particular attention is given to the agency of Kazakh students, who acted as cultural mediators between imperial and local contexts. The article demonstrates that linguistic training had an ambivalent character: while facilitating graduates' integration into administrative structures, it also enabled the formation of their own intellectual positions and participation in the socio-cultural processes of the region.

Keywords: Turkestan Teachers' Seminary, imperial modernity, history of knowledge, linguistic training, Kazakh graduates, agency, Russian Empire.

1. Введение

В 1870-е годы обширная полиязычная, полиэтничная и поликонфессиональная территория Туркестанского генерал-губернаторства стала входить в единую школьную систему Российской империи. Уже в 1874 году первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман (1867–1882) поставил вопрос о подготовке учительских кадров для открывающихся русско-инородческих школ в регионе и для открытия в Ташкенте учительской семинарии. Однако только 8 марта 1875 г. был принят проект Положения Министерства народного просвещения об «Устройстве управления по учебной части в Туркестанском крае и об учреждении прогимназии в Ташкенте и Верном» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 48). Данное управление подчинялось Министерству народного просвещения Российской империи и непосредственно Туркестанскому генерал-губернатору, под контролем которого были все учебные заведения, как русские, так и мусульманские. Управление возглавлялось главным инспектором училищ Туркестанского края. 29 февраля 1876 г. Туркестанский генерал-губернатор издал приказ о создании Управления учебными делами Туркестанского края.

* Corresponding author

E-mail addresses: zhan.dsmk@gmail.com (Zh. Dyusembek)

На должность главного инспектора был назначен надворный советник А. Кун, ранее работавший чиновником особых поручений по учебному делу при К.П. фон Кауфмане. И практически с этого времени началась подготовительная работа и длительная переписка Туркестанского генерал-губернатора с министром народного просвещения Дмитрием Андреевичем Толстым (1866–1880) и военным министром Дмитрием Алексеевичем Милютиным об открытии учительской семинарии в Ташкенте. Эта переписка практически длилась два года, в обсуждение этого вопроса было включено и министерство финансов.

И наконец, 30 августа 1879 г. в соответствии с указом императора Александра Николаевича состоялось торжественное открытие Туркестанской учительской семинарии «в 4-классном составе, при 75 воспитанниках и 2-х образцовых при ней училищах...» (Отчет..., 1881: 3-4). Открытие семинарии состоялось в присутствии и.д. Туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковского, военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-майора В.Н. Троицкого (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 72).

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает комплекс архивных и опубликованных материалов, которые могут быть разделены на несколько групп по месту хранения и характеру происхождения. К первой группе относятся фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз, Ташкент, Республика Узбекистан), содержащие документы административного и персонального характера. Особую ценность представляет личный фонд первого директора Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумова (Ф. И-1009), включающий материалы, позволяющие реконструировать его взгляды на организацию учебного процесса, в том числе вопросы языковой подготовки и работы с местным населением. Важным источником является также фонд «Управление учебными заведениями в Туркестанском крае» (Ф. И-47), охватывающий период 1875–1909 гг. Документы данного фонда отражают официальную образовательную политику, структуру учебных заведений, кадровые вопросы и особенности функционирования семинарии в системе управления краем.

Ко второй группе относятся материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, Алматы, Республика Казахстан), в частности фонд И-64, в котором выявлены документы, касающиеся организации ученической квартиры для казахских воспитанников семинарии. Эти источники позволяют рассмотреть повседневные условия обучения, формы социальной поддержки и механизмы интеграции казахских учащихся в образовательное пространство.

Третью группу составляют опубликованные источники – отчёты и юбилейные издания, посвящённые деятельности Туркестанской учительской семинарии. К ним относятся, в частности, статьи М. Мироппиева, освещающие первый период функционирования семинарии (Отчет..., 1881: 51), а также работа Н. Воскресенского, в которой представлен анализ деятельности учебного заведения за 25 лет его существования (Отчет..., 1904).

Данные источники обладают высокой информативной ценностью, поскольку содержат систематизированные сведения о структуре учебного процесса, численности учащихся и преподавателей, а также о содержании образовательных программ. Вместе с тем они носят официальный и во многом апологетический характер, что требует их критического анализа и сопоставления с архивными материалами.

Таким образом, сочетание архивных и опубликованных источников позволяет всесторонне реконструировать деятельность Туркестанской учительской семинарии. В то же время необходимо учитывать их ведомственную обусловленность и идеологическую направленность, особенно в случае официальных отчётов, что требует критического подхода и сопоставления различных типов источников.

Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, сочетающий методы социальной истории, истории образования и исторической антропологии. Туркестанская учительская семинария рассматривается не только как учебное заведение, но и как институциональное пространство, в рамках которого реализовывались имперские образовательные и языковые политики. В исследовании также используются подходы к изучению языковой политики (language policy studies), позволяющие рассматривать преподавание языков как элемент имперской стратегии управления и посредничества между властью и местным населением. Анализ казахских воспитанников семинарии осуществляется с позиций социальной истории и просопографии (коллективной биографии), что позволяет выявить их социальное происхождение, образовательные траектории и последующие профессиональные стратегии. Это даёт возможность рассматривать их не только как объект образовательной политики, но и как активных участников процессов социальной мобильности.

3. Обсуждение

Изучение истории учительских семинарий, в том числе и Туркестанской, можно рассмотреть по следующим параметрам: дореволюционная, советская и постсоветская.

Фундаментальной работой по истории развития русской школы, начиная с эпохи князя Владимира Святого до 80-х годов XIX в. считается исследование русского педагога Владимира

Васильевича Григорьева (1830–1901). Будучи директором Московской учительской семинарии, он в своем исследовании обратил внимание на открытие и деятельность этих учебных заведений, в том числе и Туркестанской (Григорьев, 1904: 587).

Дискуссия по организации учебного процесса в Туркестанской учительской семинарии и введению казахского языка вместо сартского и персидского представлена в работе профессора Казанской Духовной академии П.В. Знаменского. Автор раскрыл роль Н.И. Ильминского в подготовке учителей для нерусских школ и открытии учительских семинарий в окраинах Империи и показал позицию Н. Ильминского в необходимости введения казахского языка в полиэтничной среде Туркестанского генерал-губернаторства (Знаменский, 1900: 84). Ученик Н.И. Ильминского, первый директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов раскрыл роль первого генерал-губернатора К.П. Кауфмана в открытии учительской семинарии в Ташкенте, его отношение к языковой подготовке местного населения, подготовке кадров для русско-туземных школ в регионе (Остроумов, 1899).

В советской историографии нужно выделить исследование советского учёного-педагога Тулегена Тажибаевича Тажибаева, посвящённое образовательной политике Империи во второй половине XIX в., открытию учительских семинарий в пограничной зоне (Оренбург, Ташкент, Омск и др.) и в уездных городах Степного генерал-губернаторства (Семипалатинск, Актюбинск, Уральск и др.) (Тажибаев, 1962). Деятельность Туркестанской учительской семинарии в этом монографическом исследовании автор представил в контексте подготовки педагогических кадров для региона.

В отечественной историографии изучению Туркестанской учительской семинарии посвящены статьи Э.К. Садыковой (Садыкова, 2017: 110-118), цикл статей историков С.С. Сайфулмаликовой, А. Садыковой, посвященных учительским семинариям в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах (Сайфулмаликова, Садыкова, 2018: 264-274; Сайфулмаликова, Садыкова, 2018: 204-213). В российской историографии нужно отметить статью О.Л. Сумароковой, посвященной Туркестанской учительской семинарии (Сумарокова, 2015). В отечественной исторической науке изданы и научные статьи, посвященные выпускникам Туркестанской учительской семинарии, в частности Сералы Лапину (Нуртазина, 2009: 39-42; Эзиретбергенова, 2004: 80-82).

4. Результаты

Директором Туркестанской учительской семинарии был назначен Николай Петрович Остроумов (1846–1930), выпускник Казанской Духовной академии, где изучал тюркские и арабский языки и ислам. Н. Остроумов уже имел опыт преподавания в семинарии, так как после окончания Духовной академии, преподавал историю и языки в Казанской учительской семинарии. В своей речи на открытии семинарии Н.П. Остроумов подчеркнул, что основная задача семинарии подготовить учителей для начальных учебных заведений региона, и чтобы воспитанники «могли бы служить достойно делу инородческого образования». Звание народного учителя как воспитателя и руководителя молодого поколения настолько высоко и почётно (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 92, 98).

Согласно Уставу Туркестанской семинарии, в число воспитанников допускались представители как русского, так и местного населения, лица не моложе 15 и не старше 18 с половиной лет, не страдавшие физическими недостатками, препятствовавшими успешному прохождению учительской деятельности (Отчет..., 1881: 3-4).

Важный принцип деятельности семинарии, который был отмечен в ее Уставе, включал уважение религиозных верований ее воспитанников и «в своих стенах никогда не будет посягать на прозелитизм», чтобы не вызвать со стороны мусульманского населения «нежелательного для дела религиозного фанатизма». И в первом отчете о деятельности учительской семинарии за 1879–1881, Н. Остроумов вновь подчеркивал, что «влияние нашей школы на религиозные убеждения остается вне действия» и право наставлять «воспитанников инородцев в правилах исповедуемой ими веры» остается за их родителями (Отчет..., 1881: 5). И соответственно в Туркестанской учительской семинарии предмет «Магометанское вероучение» не вводился в учебный план семинарии, и при этом исполнение религиозных обрядов мусульманами «не возбранялось», а для православных было обязательным. Вероятнее всего этот принцип был рекомендован первым туркестанским губернатором К.П. фон Кауфманом. Так, русский историк Петр Васильевич Знаменский писал, что семинария получила «организацию и направление, вполне согласные с требованиями образовательной системы генерала Кауфмана» (Знаменский, 1900: 2).

В первые годы функционирования Туркестанской учительской семинарии учителями были: П.В. Знаменский, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета по русскому языку, Н. Воскресенский, выпускник Казанской духовной семинарии по Закону Божьему, по математике выпускник Санкт-Петербургского университета, М.А. Миропиев по истории и географии, зав. Самаркандским 2-х классным училищем, Я.Я. Лютша, выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета и др. (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 15-170б.). Серьезной постановкой преподавания отличался предмет пения, который являлся обязательной дисциплиной. В отчете деятельности учительской семинарии отмечалось, что пение способствует развитию не только музыкальных способностей, но и добрых и гуманных чувств, так как

составляет «природную потребность каждого человека». Более того, подчеркивалось, что как будущие учителя они должны знать музыкальные инструменты, в частности включалось и обучение игре на скрипке. И хоровое пение считалось обязательным, так как являлось «лучшим вспомогательным средством для развития музыкальных способностей» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 314). Так, в отчете учительской семинарии за 1897 г. было отмечено, что из 11 воспитанников (8 русских и 3 казаха, двое казахов обучились пению и игре на скрипке) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 503. Л. 71).

Конечно, большое внимание уделялось практическим занятиям будущих учителей, а именно педагогике и методике преподавания. И для этого при учительской семинарии функционировало начальное училище для практических школьных занятий воспитанников (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1349. Л. 10). При Туркестанской учительской семинарии существовали следующие стипендиальные фонды, созданные местным населением: а) казахами Перовского уезда Сыр-Дарьинской области был собран капитал на 2 стипендии им. императора Александра II. Сумма стипендии составляла 404 р. 20 коп.; б) население Маргелинского уезда Ферганской области собрало капитал и учредили стипендию в память 25-летия присоединения Кокандского ханства к России. Наличных денег к 1907 г. – 575 р.; в) население Кокандского уезда пожертвовало капитал для учреждения стипендии в память 25-летия присоединения Кокандского ханства к России. Наличных денег к 1907 г. – 273 р. 37 коп. г) население Андижанского уезда пожертвовало сумму на создание стипендии им. наследника цесаревича. На 1907 г. капитал составил 423 р. 83 коп. (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 827. Л. 20). Семинаристы имели специальное обмундирование. Для этого в штате семинарии числился портной, который шил для воспитанников «зимние блузы с брюками из семинарского сукна». На каждого воспитанника было ассигновано по 190 рублей, что включало расходы на пальто, зимнюю и летнюю фуражку, обувь, белье, учебные пособия и т.д. (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 503. Л. 4, 37).

8 ноября 1880 г. Туркестанский губернатор К.П. фон Кауфман ходатайствовал перед министром народного просвещения об изменении утвержденной учебной языковой программы учительской семинарии, а именно введении казахского языка вместо персидского и узбекского языков. При этом Кауфман обосновывал свое ходатайство тем, что численность казахского населения в Туркестанском генерал-губернаторстве «более значительно» в сравнении с узбекским и таджикским и соответственно казахи отправляют своих детей в открываемые учебные заведения больше, чем все другие «туземцы». И более того, он считал, что кочевое население Туркестанского края с присоединением к Империи «стало стремиться к выходу из-под узбекской опеки». И важным аргументом губернатора в пользу введения казахского языка в учительской семинарии стало его мнение, что казахи-кочевники «в культурном отношении представляются народом более способным к ассимилированию», чем узбеки и таджики (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 184-185об.).

Н.П. Остроумов в своей статье «Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае» отметил, что генерал-губернатор находился под влиянием авторитетного профессора истории Востока В.В. Григорьева, проработавшего более пяти лет председателем Оренбургской пограничной комиссии (1854–1859) и идеолога просвещения нерусских народов Российской империи Н.И. Ильминского¹, которые неоднократно подчеркивали, что казахское население нужно освободить от «мусульманского влияния» татар и тогда русский язык быстрее может проникать в их кочевое общество.

Более того, попечитель Казанского учебного округа П. Шестаков, с которым встречался туркестанский губернатор считал, что казахи «магометане слабые, на первой ступени магометанства» и что их не следует «приближать» мусульманскому духовенству татар и тогда «есть надежда, что христианские идеи могут постепенно проникать в массы через посредство правильного преподавания» (Шестаков, 1868: 21). И Кауфману была близка эта идея, что казахское население еще «не забито одностороннею, исключительно религиозною мусульманскою школьною мудростью и потому жизнеспособно и восприимчиво в отношении образования». Исходя из этого, он сосредоточил свое внимание на устройстве в Туркестанском генерал-губернаторстве русских школ именно для казахских детей и рассчитывал, что «примкнут к русской гражданственности» (Остроумов, 1910). В соответствии с этим он предложил Педагогическому Совету ввести в курс обучения вместо персидского и сартского языков – казахский. В своем отношении от 8 ноября 1880 г. министру народного просвещения он обосновывал свою идею тем, что казахский язык, относящийся к семейству тюркских наречий, как и узбекский, «понятен в одинаковой степени всем туземцам Туркестанского края, говорящим по-узбекски». При этом Кауфман подчеркивал, что на этом наречии «говорят не только все тюркские племена», но и «таджики, принадлежащие к персидской расе». Важным аргументом, по мнению Кауфмана, было и то, что на персидском языке говорят только таджики, «населяющие в незначительном числе Заравшанский округ и некоторые немногие местности Туркестанского края» и поэтому введение этой дисциплины в Туркестанской учительской семинарии не принесет большой пользы будущему учителю (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 184-185об.).

¹ Н.И. Ильминский был один из первых авторов учебников по казахскому языку: *Материалов для изучения киргизского языка* и *«Самоучителя русского языка для киргизов»*.

Директор Туркестанской учительской семинарии Н. Остроумов и учитель казахского языка Я.Я. Лютша разделяли мнение Кауфмана и считали, что «в настоящее время, когда в семинарии учатся только дети киргизов, все же естественнее преподавать только киргизский язык, который по своему грамматическому устройству есть самый правильный язык из всех тюркских говоров и потому может быть принят за основную норму при обучении местных наречий, за исключением таджикского». Преподавание же персидского языка, по их мнению, «еще преждевременно и во всяком случае не так важно, как преподавание киргизского языка» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 186).

25 марта 1880 г. в здании Главного управления учебными заведениями Туркестанского края под председательством главного инспектора училищ, действительного статского советника А.А. Куна прошло заседание по установлению правильной транскрипции казахского языка русскими буквами.

В заседании приняли участие директор учительской семинарии Н. Остроумов, инспектор народных училищ, коллежский советник П.И. Азначев, титулярный советник Д.М. Граменицкий, преподаватель Ташкентской мужской гимназии П.В. Прилежаев, заведующий ученической квартирой при Ташкентской мужской прогимназии А.И. Левитский и преподаватель местных языков в учительской семинарии Я.Я. Лютша. Кроме того, в качестве экспертов, по приглашению главного инспектора А.А. Куна были приглашены коллежский советник С.А. Батыршин, служивший долгие годы переводчиком в Оренбургской пограничной комиссии, хорошо знавший об усилиях В.В. Григорьева по введению русской транскрипции для казахских текстов в период его службы в Оренбурге и коллежский секретарь Т.П. Игнатъев и четыре казаха, а именно из Перовского уезда Сырдарьинской области (2 чел.) и Тургайской области (2 чел.). Основным вопросом стало обсуждение и «установление точных правил для транскрипции» казахского языка, который был введен в учебную программу Туркестанской учительской семинарии и соответствие учебного пособия по казахскому языку фонетическим особенностям этого языка. Составителями «Пособия изучения киргизского языка» были учитель Я.Я. Лютша и Н. Остроумов. Обсуждение членами Комиссии особенностей транскрипции казахского текста вызвало ряд дискуссий. Однако было рекомендовано авторам пособия по казахскому языку придерживаться установленных Комиссией правил или же «следовать транскрипции предложенной г. Алтынсариным в его «Киргизской хрестоматии» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 142. Л. 10-15). 21 мая 1881 года за № 47 был издан приказ о введении предмета «Казахский язык» в учебную программу Туркестанской учительской семинарии (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 211). В объяснительной записке к программе казахского языка было выделено, что целью преподавания данного предмета «научить воспитанников правильно излагать мысли на киргизском языке как устно и, так и письменно, познакомить их с грамматикой киргизского языка и посредством чтения различных произведений киргизской народной литературы с духом и характером киргизского народа, детей которых они будут обучать». При этом, в объяснительной записке было отмечено, что преподавание казахского языка в семинарии «должно вестись с помощью транскрипции киргизских слов русскими буквами, так как азбука киргизов, заимствованная целиком у татар не так точно передает все звуки киргизского языка, как русская». При этом было подчеркнуто, что использование транскрипции казахского языка русскими буквами имеет и государственное значение, так как это «довольно сильное средство для сближения инородцев с русской литературой и чрез литературу с русским народом и русским государством» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 311об.-312об.).

27 июля 1884 года директор Туркестанской учительской семинарии Юлиан Фомич Крачковский поднял вопрос о том, что введение в учебную программу только казахского языка сужает деятельность семинарии и изучение других «туземных наречий» является в семинарии делом государственной важности. Мнение Ю.Ф. Крачковского представляет определенный интерес, так как он имел опыт преподавания и управления учительскими семинариями на западных окраинах империи, именно Молодечненской, Полоцкой учительских семинариях Виленского учебного округа. Он считал, что на всех уровнях деятельности русской администрации (областной, уездной), в школе, судах «при всяком соприкосновении с туземцами» требуется знание языка местных наречий. И он утверждал, что только при знании местных языков можно «овладеть населением, возбудив его доверие к нам, изучить его настроение и направить в конце концов его жизнь и деятельность как того требуют высшие интересы нашего отечества» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 382). На основании этого, Ю.Ф. Крачковский настаивал на том, что в учебную программу семинарии нужно ввести арабский язык, который, по его мнению, служит «базисом для объяснения многих филологических явлений» казахского и сартского языков (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 383об.).

18 августа 1884 года состоялось совещание Главного управления учебными заведениями Туркестанского края под руководством Главного инспектора народных училищ действительного статского советника А.И. Забелина. В совещании участвовали директор Туркестанской учительской семинарии Ю.Ф. Крачковский¹, директор Ташкентской мужской гимназии Н.П. Остроумов, директор женской гимназии К.И. Грацианский, и.о. инспектора Ташкентской мужской гимназии статский советник П.И. Азначев, Основной вопрос для обсуждения на этом совещании – подготовка учителей

¹ Отец известного востоковеда-арабиста Игна́тий Юлиа́нович Крачко́вского (1883–1951)

в местные русские и мусульманские школы, а также переводчиков для разных административных учреждений. В работе совещания принял участие и нотариус г. Ташкента М.И. Бутковский, получивший особое приглашение, как практик, имеющий постоянное взаимодействие с местным населением. М.И. Бутковский, будучи выпускником Лазаревского института восточных языков, исходя из опыта своей практической деятельности, считал нужным введение арабского языка в учительской семинарии, выпускники которой могли бы в последующем вполне «основательно разобрать туземные поземельные документы». И более того, он считал, что без знания арабского языка «трудно вести дела», так как вся мусульманская юриспруденция (шариат) изложена на арабском. Точку зрения М.И. Бутковского поддержал и.о. инспектора Ташкентской мужской гимназии П.И. Азначеев, отметил, что введение арабского языка в Новочеркасской мужской гимназии, где было открыто отделение переводчиков для Кавказского края имело «большую пользу» и ученики, по его мнению, «успевали и в практическом разговорном языке».

Объясняя свой опыт работы в другой части Империи и как учитель арабского языка П.И. Азначеев видел во введении арабского языка шаг в дальнейшем сотрудничестве с местным населением (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 384-386). Н.П. Остроумов также считал, что изучение арабского языка поможет ученикам сознательно относиться к местным наречиям, и «отчетливо усвоить их», так как местные языки «в значительной степени восприняли в себя арабские слова и выражения» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 388). Кроме того, Н.П. Остроумов предложил пригласить для преподавания арабского языка в семинарии местного казья, который сможет ознакомить учеников с языком и с местной мусульманской литературой и шариатом. Одновременно было принято решение обратиться в Лазаревский институт восточных языков или в восточное отделение Императорского Санкт-Петербургского университета и пригласить квалифицированного преподавателя арабского языка в семинарию.

Расширение языковой учебной программы (арабский, персидский, сартский языки) в учительской семинарии в Ташкенте, по словам участников совещания «в сердце ислама», способствовало бы, по их мнению, преобразованию ее в такое учебное заведение как Лазаревский институт восточных языков (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 394). Однако Министерство народного просвещения не согласилось с Главным управлением учебными заведениями Туркестанского края по расширению языковой подготовки семинаристов в Ташкенте. В своем отношении от 26 сентября 1885 г. за № 14638 они отмечали о том, что арабский, персидский и сартский языки относятся к трём языковым системам: семитическому, иранскому и тюркскому, отличающимся основными законами построения речи. Кроме этих предметов семинаристы должны освоить еще один язык – русский, и это уже «четвертая система языков». И поэтому они посчитали, что включение трех языков (арабского, персидского и сартского) в программу семинарии произойдет «в ущерб главным и существенным предметам» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 423).

Кроме того, министр народного просвещения И.Д. Делянов (1882–1897) акцентировал внимание на том, что замена преподавания в Туркестанской учительской семинарии киргизского языка персидским и сартским языками была мерой неблагоприятной и бесполезной, так как она «могла бы внушить» казахским семинаристам «неправильное представление о превосходстве сартского языка пред киргизским и следовательно служить к нравственному подчинению народа киргизского, менее фанатичного, сартам, более фанатичному и менее, чем киргизы, сочувствующие русскому образованию. При этом он провел аналогию с западным регионом Империи, где поддержание преимущества польского или немецкого языков перед языками литовцев или эстонцев способствовало бы тому, что русские власти своими «руками отдали бы последних в жертву преобладающих над ними народностей». Более того, министр подчеркнул, что «все туземные языки должны стать пред русским языком в равномерно подчиненное положение», отразив этим самым стратегическое направление политики империи: каждый местный язык «служит только орудием для передачи русских понятий и русского образования» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 428-429).

Однако директор Туркестанской учительской семинарии Ю.Ф. Крачковский, несмотря на отказ Министерства народного просвещения через три года, а именно 13 января 1888 г. вновь обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о расширении языковой подготовки семинаристов и включения в учебную программу сартского и персидского языков. Ходатайство Крачковского обращает наше внимание на два аспекта: 1. Ташкентская учительская семинария является частью образовательной системы империи. Он подчеркивал, что учительские семинарии сослужили «великую патриотическую службу в Германии и у нас в Западной России, тоже можно ожидать и от Туркестанской учительской семинарии». 2. Основным требованием для поддержания статуса учительских семинарий в полиэтничных регионах Империи должно быть, по его взгляду, «основательное изучение будущими учителями туземных языков». Знание учителем начальных училищ «туземных языков» способствует, по его оценке, повышению его авторитета в глазах местного населения, вызовет больше доверия, что в конечном итоге позволит местному сообществу «выполнять указание» учителя. Ю.Ф. Крачковский очень точно передал роль учителя в волостях и аулах. По его суждению, учитель тот же проповедник, и рассуждая дальше, он подчеркивал, что результаты «от проповеди» не будут иметь влияния, если учитель будет вести их «на непонятном

языке» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 430). Точку зрения директора семинарии поддержал и Туркестанский генерал-губернатор Николай Оттонович Розенбах (1884–1889). В своем письме министру народного просвещения от 4 февраля 1888 г., он подчеркнул, что обращался с ходатайством о введении в учебную программу Туркестанской учительской семинарии неоднократно (28 августа 1884 г. за № 1783, 26 октября 1885 г. за № 2175, 23 февраля 1886 г. за № 440). И в своем новом письме Туркестанский генерал-губернатор посчитал своим долгом «отстаивать преподавание сартского и персидского языков в семинарии, так как без этих языков, по его мнению, не будет «никакого успеха русского учителя в туземных школах» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 472). И только неоднократные обращения директора учительской семинарии и Туркестанского генерал-губернатора дали свои результаты. 30 марта 1888 г. министр народного просвещения Делянов в своем письме к Розенбаху за № 4999 утвердил распоряжение о замене в Туркестанской учительской семинарии преподавания казахского языка персидским и сартовским языками. Министр согласился и с тем, что для обучения этим языкам можно будет пригласить «особого практиканта» с назначением жалования ему по 600 рублей в год из остатков штатной суммы семинарии (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 479).

В результате, 21 апреля 1888 года по Туркестанскому генерал-губернаторству был издан приказ генерал-губернатора о замене преподавания казахского языка в учительской семинарии персидским и сартовским языками (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 480). Учителем сартского и персидского языков был назначен Владимир Петрович Наливкин (1852–1918).

Казахские воспитанники учительской семинарии проживали в ученической квартире в г. Ташкенте. Имели свой режим питания, сна и т. д. Интересен тот факт, что они приучались к питанию, которое отличалось от их традиционной пищи. Так, в фондах центрального архива Республики Узбекистан сохранилось расписание обедов и завтраков, которое включало такие первые блюда, как щи со свежей капустой, малороссийский борщ (во вторник), суп с фрикадельками (в четверг), рассольник (в субботу). Вторые блюда включали плов, котлеты, рисовую кашу, пироги с мясом и т. д. (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 827. Л. 180б.-19).

По данным исследователя А.И. Добросмыслова за 25 лет существования Туркестанской учительской семинарии в ней обучалось 415 человек (русских 348 или 83,9 %, киргиз 54 или 13 %, сартов – 9 или 2,2 %, татар 3 или 0,7 %, туркмен 1 или 0,2 %) (Добросмыслов, 1912: 231).

Первый директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов привел фамилии первых учеников казахов, поступивших в семинарию в 1879 г.: Кулман Кусубаев, Омар Кутебаров, Ишмурад Баймуратов, Садыкбай Тулубаев, Хасан Касымов (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 76). В 1879 году Н.П. Остроумов писал, что казахские воспитанники Баймуратов и Кусубаев отличались характером и темпераментом. Баймуратов, по его описанию, «на вид осанист и симпатичен и держит себя с достоинством, серьезно и важно, глядит умно». Кусубаев же был, по его мнению, полной противоположностью. Но оба они по сведениям директора семинарии учились прилежно (ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 86. Л. 39). М.А. Миропиев писал, что в 1880 году в Туркестанской учительской семинарии из семи обучающихся двое были султанами, пятеро – потомками простых киргизов (Отчет..., 1881: 11). Султанские дети были прямыми продолжателями рода хана младшего жуза Абулхайра: Исмайл Касымов и Жусип Касымов (Sadykova, Saifulmalikova, 2019: 714-725). Практически через десять лет, в 1887 году обучалось в учительской семинарии 20 воспитанников из местного населения, в том числе Джулдасов Пир-Мухамед, 20 лет, Итбаев Наурызбай 18 лет, Лапин Мунайтбас 18 лет, Мангельдин Алдабек 18 лет (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 256. Л. 205). В отчете Туркестанской учительской семинарии за 1914 г. был дан этноконфессиональный состав воспитанников, а именно православных 66 (79,15), мусульман 16 (19,5 %), из них казахов – 8 (9,96 %), татар – 3 (3,66 %), сартов – 2 (2,44 %), туркмен – 3 (3,66 %) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1349. Л. 4).

Директор Туркестанской учительской семинарии М.А. Миропиев писал о воспитаннике 4-го класса Сералы Лапине как о юноше, который отличался «большими способностями и особым дарованием», отлично успевал по всем предметам семинарского курса, прекрасно владел русским и сартовским языками, знал персидский язык. И директор семинарии ходатайствовал об оставлении Лапина в семинарии на должность учителя по практическим занятиям местными языков. При этом М.А. Миропиев подчеркивал, что Лапин отличался «умением вести дело обучения» и показал свои педагогические способности в период своей 2-месячной практики. И это было исключением из правил, так как в учительской семинарии в основном работали учителями выпускники учебных заведений Санкт-Петербурга, Казани, Москвы. При этом директор семинарии ходатайствовал «окладное содержание 600 р. в год» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Д. 297. Л. 20-21). Однако С. Лапин, проработав два года в Туркестанской учительской семинарии, 1 февраля 1892 г. был переведен переводчиком в Самаркандское областное правление, а через год переводчиком при военном губернаторе Самаркандской области (Азретбергенова, 2012: 81-84). В 1900 г. именно С. Лапину было поручено возглавить группу учащихся Туркестанского генерал-губернаторства, выехавшую в Санкт-Петербург и Москву для учебно-образовательной экскурсии. В своем отчете С. Лапин отмечал, что поездка с учениками была продуктивной и длилась 52 дня (с 23 июня по 13 августа), маршрут которой включал не только знакомство с двумя столицами, но путешествие на пароходе по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 429. Л. 37-40).

Другой выпускник Худабай Кустанаев, будучи на последнем курсе обучения в учительской семинарии, написал статью «Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов» и при этом посвятил свой труд alma mater «в знак благодарности за полученные в ней образование» (Кустанаев, 1894: 52). Учитель русского языка в Туркестанской семинарии Н. Воскресенский в своем предисловии написал, что данный труд, представителя казахского кочевого населения может стать стимулом и для других «туземцев Туркестанского края», получивших образование в европейских учебных заведениях края.

5. Заключение

Таким образом, Туркестанская учительская семинария выступала не только образовательным учреждением, но и пространством формирования новых социокультурных и лингвистических компетенций в условиях имперского взаимодействия. Проведённый анализ позволяет рассматривать систему языковой подготовки не как односторонний инструмент политики Империи, а как сложный и многослойный процесс, в котором пересекались стратегии имперской образовательной политики и практики адаптации со стороны местных обучающихся. Особое значение деятельность семинарии имела для подготовки представителей местного населения, в том числе казахов, которые, получив педагогическое образование, становились культурными и языковыми проводниками новых образовательных практик в традиционной среде, осуществляя трансляцию и переосмысление полученных знаний в локальных контекстах. Их образовательные траектории демонстрируют не только интеграцию в административно-интеллектуальные структуры империи, но и формирование собственной интеллектуальной позиции, что позволяет говорить о многовекторности процессов формирования идентичности. Туркестанская учительская семинария предстает как важный узел циркуляции знаний, языков и идентичностей, где формировались новые социальные акторы, сыгравшие значительную роль в культурной и интеллектуальной истории региона.

Литература

- Азретбергенова, 2012 – Азретбергенова Э. Серали Лапин: жизнь и деятельность // *Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки»*. 2012. № 3 (34). С. 81-84.
- Григорьев, 1904 – Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1904. 587 с.
- Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912. 231 с.
- Эзіретбергенова, 2004 – Эзіретбергенова Э. Серәлі Лапин кім еді? (1868-1919): XX ғ. басындағы қазақ зиялыларының қатарында өзіндік қоғамдық-саяси қызметімен дараланған қайраткер туралы деректер // *Қазақ тарихы*. 2004. №1. Б. 80-82.
- Знаменский, 1900 – Знаменский П.В. Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае. Казань: типо-литография Императорского университета, 1900. 84 с.
- Кустанаев, 1894 – Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов / Сост. Н.А. Воскресенский. Ташкент, 1894. 52 с.
- Нуртазина, 2009 – Нуртазина Н.Д. Жизнь и деятельность Сералы Лапина в контексте мусульманского джадидизма // *Историческая наука Казахстана: актуальные проблемы, успехи и перспективы: материалы конф.* Алматы, 2009. С. 39-42.
- Остроумов, 1899 – Остроумов Н.П. К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899.
- Остроумов, 1910 – Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае (хронологическая справка) / *Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I-го*. М.: Тип. Тов-ва Кушнерев и Ко, 1910. С. 139-160.
- Отчет..., 1881 – Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии с 1 августа 1879 года по 1 августа 1881 года / Сост. М. Мироппиев. Ташкент: тип. арендуемая Ф.В. Базилевским, 1881. 51 с.
- Отчет..., 1904 – Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879 г. – 30 августа 1904 г.) / Сост. Н.П. Остроумов. Ташкент, 1904.
- Садықова, 2017 – Садықова Ә.Қ. Түркістан мұғалімдер семинариясы: ашылуы, қалыптасуы, қызметі (1879–1904 жылдар) // *ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы*. № 84 (1). С. 110-118.
- Сайфулмаликова, Садықова, 2018 – Сайфулмаликова С.С., Садықова А.К. Түркістан, Дала генерал-губернаторлығында құрылған мұғалімдер семинарияларының тарихынан (1879–1917 жылдар) // *ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы*. 2018. № 2 (89). С. 264-274.
- Сайфулмаликова, Садықова, 2018 – Сайфулмаликова С.С., Садықова А.К. Роль Н.И. Ильминского в открытии Туркестанской учительской семинарии и Оренбургской киргизской учительской школы / *Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): материалы Всерос. науч. конф.* 2018. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 204-213.

Сумарокова, 2015 – Сумарокова О.Л. Туркестанская учительская семинария // *Научные периодические издания*. 2015. № 2. С. 1-22.

Тажибаяв, 1962 – Тажибаяв Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алматы, 1962. 502 с.

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Шестаков, 1868 – Шестаков П.Д. Соображения о системе преподавания инородцев, обитающих в Казанском учебном округе. Казань, 1868. С. 21.

Sadykova, Saifulmalikova, 2019 – Sadykova A., Saifulmalikova S.S. Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 714-725.

References

Aziretbergenova, 2004 – Aziretbergenova, E. (2004). Serali Lapin kim edi? (1868–1919) [Who was Serali Lapin? (1868-1919)]. *Kazak tarihy*. 1: 80-82. [in Kazakh]

Azretbergenova, 2012 – Azretbergenova, E. (2012). Serali Lapin: zhizn' i deyatel'nost' [Serali Lapin: life and activity]. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya «Istoricheskie I socialno-politicheskie nauki»*. 3(34): 81-84. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1912 – Dobrosmyslov, A.I. (1912). Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskiy ocherk [Tashkent in the past and present. Historical essay]. Tashkent. 231 p. [in Russian]

Grigor'ev, 1904 – Grigor'ev, V.V. (1904). Istoricheskiy ocherk russkoi shkoly [Historical essay of the Russian school]. M. 587 p. [in Russian]

Kustanaev, 1894 – Kustanaev, Kh. (1894). Etnograficheskie ocherki kirgiz Perovskogo i Kazalinskogo uezdov [Ethnographic essays of the Kyrgyz of Perovsk and Kazalinsk districts]. Tashkent. 54 p. [in Russian]

Nurtazina, 2009 – Nurtazina, N.D. (2009). Zhizn' i deyatel'nost' Seraly Lapina v kontekste musul'manskogo dzhadidizma [Life and activity of Seraly Lapin in the context of Muslim Jadidism]. *Almaty*. Pp. 39-42. [in Russian]

Ostroumov, 1899 – Ostroumov, N.P. (1899). K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae. Konstantin Petrovich fon-Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraya [On the history of public education in Turkestan region. Konstantin fon Kaufman as organizer of Turkestan region]. Tashkent. [in Russian]

Ostroumov, 1910 – Ostroumov, N.P. (1910). Kolebaniya vo vzglyadakh na obrazovanie tuzemtsev v Turkestanskom krae (khronologicheskaya spravka) [Fluctuations in views on the education of the native population in the Turkestan region (a chronological reference)]. *Kaufmanskii sbornik, izdannyi v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya Turkestanskogo kraya, general-ad'yutanta K.P. fon Kaufmana I-go*. M.: Tip. Tov-va Kushnerev i Ko. Pp. 139-160. [in Russian]

Otchet..., 1881 – Otchet o sostoyanii Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii s 1 avgusta 1879 goda po 1 avgusta 1881 goda [Report on the state of the Turkestan Teachers' Seminary from August 1, 1879 to August 1, 1881]. Sost. M. Miropiev. Tashkent: tip. arenduemaya F.V. Bazilevskim, 1881. 51 p. [in Russian]

Otchet..., 1904 – Otchet Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii za 25 let ee sushchestvovaniya (1879–1904). [Report of the Turkestan Teachers' Seminary for 25 years of its existence (1879–1904)]. Sost. N.P. Ostroumov. Tashkent. 1904. [in Russian]

Sadykova, 2017 – Sadykova, A.K. (2017). Turkistan mugalimder seminariyasi: ashlyuy, kalyptasuy, kyzmeti (1879–1904) [Turkestan teachers' seminary: opening, formation and activity (1879–1904)]. *KazNU Bulletin. History series*. 84(1): 110-118. [in Kazakh]

Sadykova, Saifulmalikova, 2019 – Sadykova, A., Saifulmalikova, S.S. (2019). Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire. *Bylye Gody*. 52(2): 714-725.

Saifulmalikova, Sadykova, 2018 – Saifulmalikova, S.S., Sadykova, A.K. (2018). Turkistan, Dala general-gubernatorlygında kuryldgan mugalimder seminariyalarynyn tarihy (1879-1917 zhyldar) [From the history of teachers' seminaries in Turkestan and Steppe governor-generalship (1879-1917)]. *KazNU Bulletin. History series*. 2(89): 264-274. [in Kazakh]

Saifulmalikova, Sadykova, 2018 – Saifulmalikova, S.S., Sadykova, A.K. (2018). Rol' N.I. Il'minskogo v otkrytii Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii i Orenburgskoi kirgizskoi uchitel'skoi shkoly [The role of N.I. Ilminsky in the establishment of the Turkestan teachers' seminary and the Orenburg kyrgyz teachers' school]. *Problemy prosveshcheniya, istorii i kul'tury skvoz' prizmu etnicheskogo mnogoobraziya Rossii (k 170-letiyu chuvashskogo prosvetitelya I.Ya. Yakovleva): materialy Vseros. nauch. konf. Cheboksary: ID «Sreda»*. Pp. 204-213. [in Russian]

Shestakov, 1868 – Shestakov, P.D. (1868). Soobrazheniya o sisteme prepodavaniya inorodtsev, obitayushchikh v Kazanskom uchebnom okruge [Considerations on the system of teaching non-Russian peoples in Kazan educational district]. *Kazan'*. P. 21. [in Russian]

Sumarokova, 2015 – Sumarokova, O.L. (2015). Turkestanskaya uchitel'skaya seminariya [Turkestan teachers' seminary]. *Nauchnye periodicheskie izdaniya*. 2: 1-22. [in Russian]

[Tazhibaev, 1962](#) – *Tazhibaev, T.T.* (1962). *Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX veka* [Education and schools of Kazakhstan in the second half of the XIX century]. Almaty. 502 p. [in Russian]

[Znamenskii, 1900](#) – *Znamenskii, P.V.* (1900). *Uchastie N.I. Il'minskogo v dele inorodcheskogo obrazovaniya v Turkestanskom krae* [Participation of N.I. Il'minsky in the education of non-Russian peoples in Turkestan region]. Kazan'. 84 p. [in Russian]

Туркестанская учительская семинария (1879–1918): особенности лингвистической подготовки и казахские воспитанники

Гульмира Салимжановна Султангалиева ^a, Жибек Сагинбаевна Бегимбаева ^b, Жанна Дюсембек ^{a,*}, Абдрахим Мирас Еркінұлы ^c

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актюбе, Республика Казахстан

^c Жетысуский университет имени И. Жансугурова, Талдыкорган, Республика Казахстан

Аннотация. В рамках современного историографического поворота к изучению имперской модерности и производства знания всё большее внимание уделяется образовательным учреждениям как пространствам формирования гибридных идентичностей и культурного посредничества. Особый интерес в данном контексте представляет Туркестанская учительская семинария как один из ключевых элементов инфраструктуры знания Российской империи в регионе.

Цель данной статьи заключается в выявлении специфики языковой подготовки в Туркестанской учительской семинарии и анализе роли казахских выпускников в процессах трансфера знания в конце XIX – начале XX вв. На основе архивных материалов Центрального государственного архива Республики Узбекистан и Республики Казахстан исследуется содержание языкового образования (казахский, сартовский и персидский языки) как инструмента административной и культурной интеграции казахских учащихся.

Методологическая основа исследования сочетает подходы истории знания, постколониальной теории и микроистории, что позволяет интерпретировать семинарию не только как инструмент имперской политики, но и как пространство взаимодействия, адаптации и переосмысления знания. Особое внимание уделяется агентности казахских учащихся, выступавших культурными посредниками между имперским и локальным контекстами. В статье показано, что языковая подготовка носила амбивалентный характер: с одной стороны, она способствовала интеграции выпускников в административные структуры, с другой – создавала условия для формирования их собственных интеллектуальных позиций и участия в социокультурных процессах региона.

Ключевые слова: Туркестанская учительская семинария, имперская модерность, история знания, языковая подготовка, казахские выпускники, агентность, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zhan.dsmk@gmail.com (Ж. Дюсембек)